

УДК 341.1/8

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ КАК ОБЯЗАТЕЛЬСТВО *ERGA OMNES*

© 2018 г.

А.С. Леонов, А.М. Споршев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

andrei_leonov@yahoo.fr

Поступила в редакцию 21.02.2018

Делается попытка дать обоснование тому, что обязательства государств по противодействию международному терроризму должны иметь статус обязательств *erga omnes* по современному международному праву. Дается оценка содержания понятия «международный терроризм», определяется спектр проблем нормативного регулирования борьбы с ним, анализируется положение обязательств *erga omnes* в современном международном праве, исследуется место и роль международных организаций и судебных органов в процессе образования норм, порождающих обязательства по борьбе с международным терроризмом, определяется содержание обязательств в сфере противодействия международному терроризму, имеющих характер *erga omnes*. Сделан вывод о важности и необходимости придания характера *erga omnes* обязательствам государств по обеспечению антитеррористической безопасности.

Ключевые слова: международный терроризм, обязательства *erga omnes*, дело Barcelona Traction, обязательства *erga omnes partes*, *jus cogens*, Римский статут, Международный уголовный суд, Совет Безопасности ООН, Международный суд ООН.

Введение

Усугубление в современном мире проблем, связанных с международным терроризмом, с неизбежностью ставит перед исследователями вопрос о правовом регулировании борьбы с ним, а также, учитывая его повсеместную распространённость и общественную опасность, вопросы взаимодействия государств по противодействию данному явлению.

Необходимость активного сотрудничества государств в области противодействия международному терроризму отмечается на национальном и международном уровнях. Например, Указ Президента РФ от 26.12.2015 г. № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» предусматривает взаимодействие Национального антитеррористического комитета с компетентными органами иностранных государств и международными организациями в области противодействия терроризму, а Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма от 9 декабря 1994 года особо подчеркивает настоятельную необходимость укрепления международного сотрудничества между государствами для принятия и утверждения практических и эффективных мер по предотвращению, пресечению и ликвидации всех форм терроризма, которые затрагивают все международное сообщество.

Отмечая высокий уровень научной разработанности проблем, связанных с борьбой против

международного терроризма, мы постараемся обратить внимание на наличие пробелов в нормативно-правовом регулировании данного явления и на дискуссионный характер некоторых вопросов, связанных с концепцией обязательств *erga omnes*, а также дать авторское обоснование необходимости признания обязательств по противодействию международному терроризму обязательствами *erga omnes* в соответствии с современным международным правом с учетом глобального характера проблемы и необходимости универсального подхода к ней.

1. Противодействие международному терроризму: постановка проблемы

Среди проблем международно-правовой регламентации противодействия международному терроризму следует особо выделить проблему отсутствия единства в определении понятия «международный терроризм» как на уровне доктрины, так и в международно-правовых источниках, а также вопрос об индивидуальной ответственности государств за содействие международным террористическим организациям либо за попустительство в отношении них.

Выработка унифицированного понятия международного терроризма, по мнению многих исследователей [1–3], способна повысить эффективность мер по всестороннему сотрудничеству государств по противодействию этому явлению.

Исследователи пытаются выделить общие признаки терроризма и на основании их сфор-

мулировать определение. Например, Р.А. Адельханян считает, что обязательными признаками международного терроризма, являются: охват террористической деятельностью в любом виде двух и более государств; противоправность деяния по международному уголовному праву; должно быть совершено в мирное время; действия террористов должны иметь насильственный характер [4].

Э.А. Иванов, О.В. Галафаст определяют международный терроризм как «осуществляемую на территории нескольких государств или территориях с международным режимом деятельность террористических организаций и отдельных лиц, в ряде случаев при поддержке государств, направленную на достижение политических целей и связанную с совершением или угрозой совершения общественно опасных деяний в отношении жизни, здоровья, прав и законных интересов различных субъектов для принуждения третьей стороны к принятию требуемых террористами решений, а также их иную преступную деятельность, носящую вспомогательный характер» [5].

Существует целый ряд обстоятельств, которые определяют существование различий в понимании сущности терроризма. Среди них политические, социально-культурные и исторические причины. Приоритет политических интересов в международных отношениях приводит к тому, что государства трактуют содержание терроризма в удобном для себя свете. Такое субъективное понимание усложняет процесс противодействия государствам международному терроризму. Влияние здесь также имеют традиционное, идеологическое, психологическое отношение к терроризму.

Некоторые исследователи, например швейцарский правовед К. Хейльброннер, считают, что выработать исчерпывающее определение терроризма вообще не представляется возможным, но, по их мнению, это не является проблемой. Достаточно определить в виде перечня общественно опасные деяния, которые относятся к террористической деятельности и планомерно бороться с ними [6]. Данная позиция может подвергаться критике, однако сейчас система взаимодействия государств в области противодействия международному терроризму объективно функционирует в условиях терминологической неопределенности. Тем не менее автор данного исследования считает важным определить сущность международного терроризма и соглашается с формулировкой, разработанной А.П. Кузнецовым и Н.Н. Маршаковой, в соответствии с которой «международный терроризм – это умышленное общественно

опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественные отношения, регулирующие межгосударственные связи, международный правопорядок, путем причинения (или угрозы причинения) в любых формах существенного вреда жизненно важным интересам государств (мирового сообщества), для достижения международно-правовых целей» [7].

Что касается источников международного права, то ни в одном из ныне действующих международных договоров как универсального, так и регионального характера нет дефиниции «международный терроризм» [8].

2. Обязательства *erga omnes* в современном международном праве

В последнее время многим восточным и европейским государствам пришлось столкнуться с обострением социальных проблем, этноконфессиональных противоречий, а также с эскалацией терроризма и экстремизма, в этой связи вопросы борьбы с международным терроризмом приобрели особую актуальность. Противодействие международному терроризму является позитивной целью всего мирового сообщества, и ввиду этого за ним должен признаваться характер *erga omnes*, то есть должно быть закреплено обязательство каждого государства противодействовать терроризму перед всеми членами международного сообщества. И если какой-либо участник межгосударственных отношений нарушит такое обязательство, то у любого члена международного сообщества возникнет право требовать прекращения нарушения, ликвидации его последствий, т.е. ставить вопрос об ответственности нарушителя, независимо от того, пострадал непосредственно данный член международного сообщества от совершенного правонарушения или нет [9]. Нужно отметить, что кроме ситуации, связанной с обязательствами по противодействию терроризму, вопрос о наличии обязательств *erga omnes* можно ставить в любом случае, когда речь идет о явлении, в отношении которого существует механизм глобального управления, то есть принят и применяется более или менее универсальный нормативный акт. Например, в случае с противодействием торговле людьми [10].

В юридический обиход обязательства *erga omnes* были введены Международным судом ООН при рассмотрении дела *Barcelona Traction* [11]. Суд подтвердил существование различия между обязательствами государств в отношении друг друга и обязательствами в отношении международного сообщества в целом, вытекающими из таких норм, как запрещение агрес-

сии, геноцида, а также из норм о защите основных прав человека. В силу самой своей природы эти обязательства «являются заботой всех государств. С учетом значения соответствующих прав все государства могут считаться обладающими юридическим интересом в их защите» [12].

Доктринальная разработка концепции обязательств *erga omnes* в 60-х годах двадцатого столетия в работах британского ученого и судьи Международного суда ООН лорда Арнольда Дункана Макнейра [13] и итальянского правовед Дж. Спердути [14].

В соответствии с определением, данным Институтом международного права, обязательство *erga omnes* – это «обязательство по общему международному праву, которое государство несет в любом данном случае по отношению к международному сообществу в силу его общих ценностей и его заинтересованности в соблюдении, когда таким образом нарушение обязательства дает право всем государствам принимать меры» [15].

В своей практике Межамериканский суд по правам человека сформировал следующую позицию: «Как и обязательства *erga omnes*, нормы *jus cogens* (императивные нормы общего международного права) содержат элементы, имеющие принципиальное значение для международного сообщества, элементы, которые настолько важны, что они важнее, чем согласие государства, которое в международном праве определяет правомерность норм» [16]. В данном аспекте должен рассматриваться вопрос о балансе интересов прав человека и интересов мирового сообщества в борьбе с терроризмом.

Признается, что хотя все обязательства, устанавливаемые нормами *jus cogens*, имеют характер обязательств *erga omnes*, но не все обязательства *erga omnes* устанавливаются императивными нормами общего международного права. Таков, например, случай некоторых обязательств, вытекающих из «принципов и норм, касающихся основных прав человека» [11].

Международное право прав человека включает в себя права и свободы, ставшие составной частью обычного международного права, которые носят обязательный характер для всех государств, в том числе даже для государств, не являющихся сторонами того или иного конкретного договора. К числу таких прав, по общему мнению, относятся многие права, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека. Запрет пыток, рабства, геноцида, расовой дискриминации и преступлений против человечности, а также право на самоопределение, по общему признанию, относятся к числу импера-

тивных норм, о чем свидетельствуют статьи Комиссии международного права об ответственности государств [17], а в соответствии с позицией Комитета по правам человека ООН «каждое государство-участник имеет правовой интерес в том, чтобы каждое другое государство-участник выполняло свои обязательства. Это следует из того факта, что нормы, касающиеся основных прав человека, являются обязательствами *erga omnes*» [18].

Признавая за нормами о противодействии международному терроризму характер *jus cogens*, возникает вопрос о соотношении двух обязательств *erga omnes*: противодействие терроризму и обеспечение прав человека. Если вопрос о соотношении императивных норм общего международного права с иными разрешен Венской конвенцией о праве международных договоров [19], то между самими нормами *jus cogens* или обязательствами, проистекающими из них, нет иерархии. В таких условиях предполагается, что выявление соотношения и соблюдение баланса между такими нормами является целью и обязанностью участников конкретных международных правоотношений, в рамках которых они порождают конкретные правовые последствия.

Статья 53 Конвенции устанавливает четыре требования для определения того, имеет ли норма характер *jus cogens*: это должна быть норма общего международного права; она должна быть принята и признана международным сообществом; она должна быть не допускающей отступлений; и ее можно изменить только с помощью следующей нормы, имеющей тот же характер.

Таким образом, установление обязательства *erga omnes* в сфере противодействия государствам международному терроризму может осуществляться последовательно через признание нормы международного права, предусматривающей запрет терроризма в любых его формах, нормой *jus cogens*, а затем признание обязательства государства сотрудничать в борьбе с международным терроризмом в качестве обязательства *erga omnes* либо путем заключения универсального международного договора, положения которого признаются международным сообществом в целом в качестве порождающих обязательства между всеми.

3. Участие в Римском статуте и обязательства *erga omnes*

Зачастую являясь предметом острых дебатов, Римский статут, или Устав Международного уголовного суда (далее – МУС), представляет

собой пример особого международного договора, чья специфика определяется предметом и объектом его регулирования. Преамбула Статута однозначно указывает на универсальность обязательств государств по преследованию лиц, совершивших международные преступления: «обязанностью каждого государства является осуществление его уголовной юрисдикции над лицами, несущими ответственность за совершение международных преступлений». Деяния, в отношении которых МУС может осуществлять свою юрисдикцию, именуется в Преамбуле как «самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества». Наконец, указывая на связь МУС с ООН, текст преамбулы договора также отсылает нас к идее об универсальности как самого документа, так и МУС.

Анализ этих положений, а также того, какие конкретно преступления входят в сферу юрисдикции МУС, свидетельствует о том, что обязательства, вытекающие из Римского статута, имеют иную природу, нежели обязательства, вытекающие из обычного международного договора: налицо их связь с императивными нормами международного права. О том, что международные преступления, составы которых включены в Римский статут, составляют часть общепризнанных норм международного права, свидетельствует также судебная практика национальных судов и международных уголовных трибуналов. Так, в деле Адольфо Силинго Национальный суд, а затем и Верховный суд Испании указали на то, что совершенные Силинго преступления против человечности были явным нарушением *общепринятых норм международного права*, берущих начало по крайней мере с Нюрнбергского приговора, и счел целесообразным привлечь его к уголовной ответственности несмотря на то, что как на момент совершения деяний, так и на момент ареста обвиняемого Уголовный кодекс Испании не предусматривал такой категории преступлений [20, 21]. Иными словами, суд подчеркнул универсальность обязательств по преследованию за международные преступления.

В связи с этим некоторые исследователи, в частности А.Х. Абашидзе, утверждают, что участие государства в Римском статуте может и должно считаться обязательством *erga omnes* и не может рассматриваться с позиции исключительной прерогативы суверенных государств [22]. Прежде всего это касается государств, не участвующих в Римском статуте, а среди них, в первую очередь, постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Важным недостатком Римского статута в контексте настоящего исследования является

тот факт, что вне юрисдикции МУС оказалось такое тяжкое и распространенное преступление, как международный терроризм, при том, что универсальная уголовная ответственность перед МУС за международный терроризм могла бы стать эффективным инструментом противодействия этой преступной практике. Однако отсутствие преступления международного терроризма в Римском статуте вовсе не означает, что его невозможно отнести к категории международных преступлений.

Анализируя критерии для определения международного преступления, М.Ш. Бассиуни утверждает, что такие преступления (1) представляют угрозу миру и безопасности человечества, нарушая *общие интересы мирового сообщества*, и (2) шокируют совесть/сознание человечества [23]. В числе прочих признаков международного преступления А. Кассезе выделяет такие, согласно которым (1) они охватывают как нарушения обычных международно-правовых норм, так и условий международных договоров, «когда такие условия фиксируют, или (и) обстоятельно разъясняют обычное право, или способствуют его формированию»; (2) нарушаемые нормы должны быть направлены на защиту ценностей, которые рассматриваются в качестве важнейших *всем международным сообществом* и, следовательно, связывают все государства и всех людей; (3) международное сообщество имеет *универсальный интерес* в пресечении этих нарушений [24].

Некоторые из приведенных критериев подвержены значительной степени субъективизма, но, руководствуясь ими, можно отнести международный терроризм к международным преступлениям, или нормам *jus cogens*, и обосновать необходимость включения состава данного преступления в Статут МУС, поскольку в результате совершения актов международного терроризма нарушаются общие интересы международного сообщества, а также учитывая, что основной целью терроризма является внушение страха для реализации целей такой деятельности.

По состоянию на март 2018 года договор подписали 138 государств, но ратифицировали 123. Сегодня в составе МУС нет трех из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН (США, России и Китая), а также второй по численности страны мира – Индии. Таким образом, следует отметить, что большая часть территории нашей планеты и ее населения находится вне юрисдикции Суда. Причины непринятия идеи Международного уголовного суда этими странами, как правило, представляют собой комплекс обстоятельств, среди которых – конституционно-правовые несоответствия, угроза

национальному суверенитету, большое число оценочных положений в Статуте МУС, что порождает потенциальную опасность политизации деятельности Суда и использования практики «двойных стандартов» в его работе [25] и другие причины.

Таким образом, анализируя роль Римского статута в вопросе об эффективности противодействия международному терроризму, можно заключить следующее. Во-первых, нет определенности с повесткой дня по вопросу о потенциальном включении международного терроризма в разряд преступлений, находящихся в рамках юрисдикции МУС. Во всяком случае, на сегодняшний день, Суд не вправе преследовать за это преступление. Во-вторых, отсутствие на данном этапе всеобъемлющего характера участия в Римском статуте является показателем того, что многие члены мирового сообщества не считают обязанность вступления в него «общим благом», что ставит под сомнение эффективность такого инструмента, как МУС, в борьбе с международным терроризмом как минимум до тех пор, пока основные из не участвующих государств не признают его юрисдикцию. В таком контексте возможность признания участия государства в Римском статуте Международного уголовного суда обязательством *erga omnes* представляется, на наш взгляд, крайне затруднительной.

Интересным является вопрос о том, могут ли региональные судебные органы участвовать в создании обязательств *erga omnes*.

Так, относительно характера решений Суда Евразийского экономического союза его судья Т.Н. Нешатаева придерживается следующей позиции: «любые решения наднационального суда ЕАЭС (а ранее Суда Евразийского экономического сообщества) должны быть общеобязательными и нести в себе последствия для всех (*erga omnes*) государственных органов (включая суды) – это основа его деятельности и основной признак, отличающий его от классических международных судов» [26].

Однако стоит отметить, что термин *erga omnes* здесь не соответствует его общепринятому значению как обязательства в отношении всего мирового сообщества и каждого из его членов. В данном случае речь идет о концепции *erga omnes partes* (лат. – в отношении всех участников), в соответствии с которой обязательства распространяются на всех субъектов повсеместно на территории ЕАЭС. Обязательства *erga omnes partes* значительно отличаются от обязательств *erga omnes*. Правовой основой обязательств *erga omnes* является общее международное право, а обязательства *erga omnes partes* возникают на основании заключенного

многостороннего договора, – они не касаются государств, которые не являются сторонами такого договора, но все страны, заключившие договор, имеют правовой интерес в их утверждении и выполнении [27].

И.И. Лукашук предполагал, что «нормы, порождающие обязательства *erga omnes*», могут формироваться в практике государств как обычные и непосредственно становиться нормами общего международного права. Ныне такого рода нормы зачастую формируются в результате признания таковыми положений, содержащихся в резолюции международной организации или конференции» [12].

Представляется, что принятие региональными международными организациями и судебными органами норм, порождающих обязательства *erga omnes* невозможно, поскольку охват их участников не позволяет распространять действие таких обязательств на все мировое сообщество и каждого конкретного его участника. Правовые позиции, содержащиеся в различного рода решениях таких органов и организаций могут свидетельствовать о проявлении *opinio juris* и учитываться при созидании норм *jus cogens* уполномоченными органами.

4. Обязательства *erga omnes* о противодействии терроризму и Совет Безопасности ООН

Устав Организации Объединенных Наций является основой сотрудничества государств в сфере противодействия международному терроризму. Устав не содержит норм, непосредственно регулирующих данную деятельность, однако при его создании закладывалась возможность соответствовать изменяющимся условиям среды. Этому служат прежде всего принципы и цели Устава ООН. Так, развивая принцип, изложенный в пункте 4 статьи 2 Устава ООН, в соответствии с которым все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций, Совет Безопасности ООН указывает на обязанность государств воздерживаться от организации, поощрения террористических актов в другом государстве, содействия таким актам или участия в них, а также попустительства в пределах своей территории организованной деятельности, направленной на совершение таких актов, когда подобные акты связаны с угрозой силой или ее применением [28].

Из этого следует, что любой акт государства, в том числе акт внутреннего законодательства, который противоречит глобальной политике противодействия международному терроризму, влечет за собой несоблюдение государством своих обязательств *erga omnes*. Следовательно, это приводит к усилению международной ответственности государства, и любой субъект международного права может на законных основаниях сослаться на это в Международном суде ООН. Ранее Суд уже признавал возникновение обязательств перед всем мировым сообществом в целом. К примеру, в деле *East Timor (Portugal v. Australia)* Суд ООН поддержал позицию Португалии, заключающуюся в том, что право народов на самоопределение имеет характер *erga omnes* [29].

В принципе, любое нарушение установленных обязательств характера *erga omnes* в области противодействия международному терроризму, осуществляемое актом публичной власти или лицами, использующими свое положение власти, вменяется государству. Незаконный акт терроризма, который первоначально не вменяется непосредственно государству (например, поскольку это акт частного лица или потому, что ответственное лицо не было выявлено), может привести к международной ответственности государства, не из-за самого акта, но из-за отсутствия должной осмотрительности, обязанности предотвратить нарушение или отреагировать на него в соответствии с международными обязательствами государства.

Считаем, что резолюции Совета Безопасности ООН, как органа, наделенного исключительными полномочиями в сфере поддержания мира и обеспечения всеобщей безопасности, могут порождать обязательства *erga omnes*. Так, в Резолюции 1373 Совет Безопасности **обязывает** государства – члены ООН совершить ряд действий, среди которых:

а) воздерживаться от предоставления в любой форме поддержки, активной или пассивной, организациям или лицам, замешанным в террористических актах, в том числе путем пресечения вербовки членов террористических групп и ликвидации каналов поставок оружия террористам;

б) принять необходимые меры в целях предотвращения совершения террористических актов, в том числе путем раннего предупреждения других государств с помощью обмена информацией [30].

Сходной позиции относительно «упрощенного порядка» принятия норм, порождающих обязательства *erga omnes*, в форме резолюций Совета Безопасности ООН придерживается профессор Анн Петерс, которая считает, что

Устав ООН, имеющий особое юридическое свойство, наделяет Совет Безопасности специальным статусом, благодаря которому он – в границах принципа законности – устанавливает обязательства *erga omnes* [31]. При этом Совет Безопасности ООН становится особого рода законодательным органом, который формулирует общеобязательные абстрактные правовые нормы. По мнению Н. Цагуриаса, в отличие от других форм международного законодательства, основанных на принципе согласования воли государств, законодательство Совета Безопасности ООН является односторонним и *erga omnes* обязательным [32].

Некоторые исследователи отвергают наличие у Совета Безопасности ООН законодательных полномочий. Позиция профессора Боуэта по данному вопросу выражается в его высказывании: «Даже Генеральная Ассамблея не является «законодательной властью», и Совет Безопасности, разумеется, тоже. Обязательства государств-членов вытекают из Устава ООН, и роль Совета Безопасности заключается не в том, чтобы создавать или вводить новые обязательства, не имеющие оснований в Уставе, а скорее для определения поведения, которое требуется от государства-члена в связи с его ранее существовавшими уставными обязательствами» [33]. Однако с тех пор в международном нормативном регулировании произошли серьезные изменения и принятие Резолюции Совета Безопасности 1373 стало важной вехой данного процесса.

5. Реализация обязательств *erga omnes* по противодействию международному терроризму

Поскольку в соответствии с положением, вытекающим из принципа добросовестного выполнения государствами принятых на себя по Уставу ООН обязательств, «никакое деяние государства не является нарушением международно-правового обязательства, если это обязательство не связывает данное государство во время совершения деяния» [34], возникает вопрос о моменте возникновения у государства обязательств *erga omnes* и ответственности за их неисполнение.

В обычных условиях (при заключении международных соглашений различного рода) государство принимает на себя обязательства в случае, если сможет обеспечить их исполнение, либо стремится к тому, чтобы создать условия для обеспечения их исполнения. Соответствующие примеры можно увидеть, обратившись к анализу входящих в состав Международного билля о правах человека Международного пакта

о гражданских и политических правах (далее – «ПГПП») и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (далее – «ПЭСКП»). В отличие от статьи 2 (1) ПГПП, предписывающей государствам «уважать и обеспечивать» признанные в нем права, статья 2 (1) ПЭСКП содержит следующую формулировку:

«Каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества, в частности в экономической и технической областях, принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер».

Терминология статьи 2 (1) отражает существовавшее в период подготовки Пакта мнение, что экономические, социальные и культурные права могут осуществляться только постепенно, поскольку для полной и немедленной реализации всех прав у многих государств нет ресурсов [35].

Требуется ли государствам подобный подготовительный период для обеспечения обязательств в сфере противодействия международному терроризму? Очевидно, что да, поскольку государства обладают неравными возможностями в сфере противодействия международному терроризму. Допустимо ли в таком случае возложить на ведущих акторов мировой политики больший объем обязанностей? Представляется, что это привело бы к нарушению принципа суверенного равенства государств, закрепленного в статье 2 Устава ООН, и, соответственно, обязательству *erga omnes*, устанавливающему запрет на принятие договоров, нарушающих данный принцип. На актуальном примере противодействия запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации «Исламское государство» видно, что некоторые государства (Германия, Иордания, Ирак, Иран, Россия, Сирия, США и др.) берут на себя более активную роль, но в качестве причины этому выступает не юридическая обязанность, порожденная международными конвенциями, обычными нормами международного права, общими принципами права, решениями международных организаций и международных судебных органов. В данном случае можно говорить о принятии на себя международного обязательства в силу одностороннего акта государства. Правомочие совершения таких актов исходит из суверенитета государств и носит добровольный характер.

Из вышесказанного следует, что процесс возложения на государства обязательств в сфе-

ре противодействия международному терроризму должен быть постепенным, чтобы одновременно обеспечить функционирование данных норм и при этом снизить у государств «стрессовую реакцию» на обязательственную нагрузку. В данной ситуации, на начальном этапе формирования обязательств характера *erga omnes* в сфере противодействия международному терроризму, можно рассмотреть возможность закрепления механизма селективных (выборочных) обязательств, подобного тому, который закреплен в Европейской социальной хартии. В соответствии с данным международным соглашением, государство-участник должно признать для себя обязательную силу определенного количества статей (пунктов), закрепляющих социальные права, которые составляют необходимый минимум. Выбор статей, предоставляемый государству, в любом случае ограничивается требованием, чтобы договаривающаяся сторона, независимо от ратификации по статьям или «пронумерованным параграфам», приняла в полном объеме не менее шести из девяти определенных статей. Эти статьи предусматривают основные социальные права.

Для применения механизма селективных обязательств следует определить саму сферу обязанностей государств в области противодействия международному терроризму, то есть тот комплекс мер, который будет составлять содержание обязательства *erga omnes*. Важно при этом выделить те действия, которые могут быть осуществлены государствами с любым уровнем политического, экономического и социально-культурного развития, с учетом их различных особенностей.

К подобным универсальным обязательствам могут относиться: воздержание от содействия террористическим организациям и отдельным террористам; криминализация актов терроризма и содействия ему в национальном законодательстве, а также уголовное преследование террористов; информационное сотрудничество государств в сфере противодействия международному терроризму. Данный минимальный набор обязанностей могло бы принять и эффективно исполнять любое государство без значительных ресурсных вложений.

В настоящее время общепризнано, что Совет Безопасности ООН имеет потенциал для принятия решений всеобщего характера, когда он действует для поддержания международного мира и безопасности [36].

Иным способом придания нормам о противодействии международному терроризму характера *erga omnes* является закрепление их в международном соглашении с обязательной

юридической силой. Таким соглашением может стать Всеобъемлющая конвенция по международному терроризму, разработка которой активно ведется в настоящее время.

Проект данной Конвенции содержит практически все основные формулировки универсальных и региональных конвенций и провозглашает угрозу террористических актов основным свободам, достоинству человеческой личности, дружественным отношениям между государствами и народами, территориальной целостности и безопасности государств, демократическим основам общества, международному миру и безопасности. Это указывает на то, что в рамках данного международного договора могут быть и должны быть предусмотрены обязательства каждого государства в отношении всего мирового сообщества противостоять международному терроризму.

Ныне действующие антитеррористические международные договоры, которые приняты на международном и региональном уровнях, также уже закрепляют определенные обязательства государств:

– по криминализации и пенализации во внутригосударственном праве отдельных преступлений террористического характера;

– по формированию правовых основ отдельных аспектов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по делам о терроризме.

Представляется, что обязанность активного сотрудничества государств в сфере противодействия международному терроризму также может составлять содержание обязательства *erga omnes*, поскольку эффективное взаимодействие отдельных государств способствует достижению глобальной цели мирового сообщества. Среди областей сотрудничества следует выделить: планирование; общественная информация и предупреждение; оперативная координация; обмен разведывательными данными и информацией; воспреещение и нейтрализация; скрининг, поиск и обнаружение; контроль доступа и проверка личности; безопасность в кибернетическом пространстве; меры физической защиты; управление рисками в рамках программ и мероприятий по защите.

Заключение

Вопросы, связанные с концепцией обязательств *erga omnes* в целом и механизмом привлечения к международной ответственности их нарушителей в частности, являются в настоящее время предметом научных дискуссий в доктрине международного права, а поиск отве-

тов на них – актуальная задача, требующая значительного внимания исследователей.

Ввиду своей деструктивной опасности для всего международного сообщества преступление международного терроризма создает юридическое основание для применения любым членом мирового сообщества мер в защиту общих ценностей.

Придание нормам о противодействии международному терроризму характера *erga omnes* поможет наиболее быстрому и эффективному разрешению данной глобальной проблемы человечества, поскольку это будет побуждать каждого члена мирового сообщества более ответственно относиться к своим обязательствам.

Работа выполнена в рамках Проекта Жана Монне «Подходы ЕС к проблемам транснациональной безопасности: фокус на изучение и использование опыта» (EUSECU-POLE), проект № 575476-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-PROJECT.

Список литературы

1. Плотников А.В. К вопросу юридического определения понятия «международный терроризм» // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 3. С. 106.
2. Самович Ю.В. О понятии «Международный терроризм» // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 120–123.
3. Чернядьева Н.А. Понятие «Международный терроризм» в международных соглашениях ООН // Вестник СГЮА. 2012. № 4 (87). С. 198–202.
4. Адельханян Р.А. Признаки террористического преступления по международному праву // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 47–48.
5. Иванов Э.А., Галафаст О.В. Международно-правовые проблемы борьбы с терроризмом // Новые вызовы и международное право: Сб. статей / Отв. ред. А.Г. Лисицын-Светланов. М.: Изд-во ИГП РАН, 2010. С. 103–125.
6. Heilbronner K. Rechtsfragen der internationalen Terrorismusbekämpfung // Schweizerisches Jahrbuch für internationales Recht. Bd. 47. Zürich, 1991. 266 S.
7. Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н. Международный терроризм в условиях глобализации // Юридический мир. 2010. № 9. С. 8–12.
8. Волеводз А.Г. Уголовно-правовое противодействие международному терроризму // Уголовное право. 2014. № 2. С. 128–134.
9. Ашавский Б.М., Бирюков М.М., Бордунов В.Д. и др. Международное право: Учебник / Отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут, 2015. 848 с.
10. Корнеев О.В., Леонов А.С. Инструменты влияния Европейского союза в сфере противодействия торговле людьми на постсоветском пространстве // Вестник Томского государственного университета. История. № 6 (32). С. 12–16.
11. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain) (Second Phase – Judgment) I.C.J. Reports 1970. P. 32.

12. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: В 2 т. М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. 1: Заключение международных договоров. 672 с.
13. Cf. A.D. McNair, *Treaties Producing Effects 'Erga Omnes'*, *Scritti di Diritto Internazionale in Onore di T. Perassi*, vol. II. Milano, Giuffrè, 1957. P. 23–36.
14. Sperduti G. *Lezioni di diritto internazionale*. Milan, 1958. P. 140.
15. *Yearbook of the Institute of International Law, Session of Krakow 2005 – Second Part*, vol. 71–II (2006), p. 297, resolution I («Obligations erga omnes in the International Law»), art. 1 (a).
16. *Advisory Opinion on Juridical Condition and Rights of the Undocumented Migrants*, OC-18/03, *Inter-American Court of Human Rights (IACrHR)*, 17.09.2003. URL: <http://www.refworld.org/cases, IACRTHR,425cd8eb4.html>.
17. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Изложение фактов № 32: Права человека, терроризм и борьба с терроризмом, 1 июля 2008, No. 32. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/52554eb90.html>.
18. Human Rights Committee's General Comment No. 31[80] «The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant», 29 March 2004. URL: <http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/0/58f5d4646e861359c1256ff600533f5f> (дата обращения: 10.06.2017).
19. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1986. № 37. С. 772.
20. La Sección Tercera de la Sala de lo Penal de la Audiencia Nacional. 19 abr 05. *Sentencia en el caso Adolfo Scilingo* <http://www.derechos.org/nizkor/espana/juicioral/doc/sentencia.html> (дата обращения: 20.02.2018).
21. Tribunal Supremo. *Sentencia en el caso Adolfo Scilingo*. Sala de lo Penal. *Sentencia Nc: 798/2007. Recurso Casacion (P) No: 10049/2006 P. Fallo/Acuerto: Sentencia Estimatoria Parcial. Fecha Sentencia: 01/10/2007* <http://www.derechos.org/nizkor/espana/juicioral/doc/sentenciats.html> (дата обращения: 22.02.2018).
22. Абашидзе А.Х. Участие государств в Статуте Международного уголовного суда – обязательство *erga omnes* // *Международное право*. 2007. № 1. С. 139–152.
23. Bassiouni M. *International Crimes: jus cogens and obligatio erga omnes* // *Law and Contemporary Problems*. 1996. Vol. 59. № 4. P. 63–74.
24. Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford University Press, 2003. P. 23.
25. *Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений* / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Европейская Комиссия, 2008. С. 14–35.
26. Нешатаева Т.Н. О проблемах в действии решений органов ЕАЭС в национальных правовых порядках государств-членов // *Международное правосудие*. 2016. № 3 (19). С. 10–17.
27. Коптгва Е.А. Классификация международных обязательств // *Евразийская адвокатура*. 2013. № 1 (2). С. 114–117.
28. S/RES/748 (1992) – Резолюция Совета Безопасности ООН № 748 от 31 марта 1992 года.
29. *East Timor (Portugal v Australia), Judgment* // *I.C.J. Reports* 1995. P. 90.
30. S/RES/1373 (2001) – Резолюция Совета Безопасности ООН № 1373 от 28 сентября 2001 года.
31. Peters A. *Security Council Resolution 2178 (2014): The «Foreign Terrorist Fighter» as an International Legal Person, Part I*. URL: <https://www.ejiltalk.org/security-council-resolution-2178-2014-the-foreign-terrorist-fighter-as-an-international-legal-person-part-i/>.
32. Tsaourias N. *Security Council Legislation, Article 2(7) of the UN Charter, and the Principle of Subsidiarity* // *Leiden. J. of International Law*. 2011. V. 24. P. 539–555.
33. Bowett D.W. *Judicial and Political Functions of the Security Council and the International Court of Justice* // In H. Fox (ed.). *The Changing Constitution of the United Nations*. 1997. P. 79–80.
34. A/RES/56/83 (2001) – Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 года.
35. Крейвен М. *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах* // *Введение в вопросы международной защиты прав человека: Учебное пособие* / Под ред. Р. Хански, М. Сукси. Институт прав человека. Университет «Або Академи». Турку/Або. 1997. С. 106–127.
36. Wouters J., Odermatt J. *Reflections on the Law-making Powers of the Security Council – Quis Custodiet Consilium Securitatis?* (June 1, 2013). URL: <https://ssrn.com/abstract=2286208>.

COUNTERING INTERNATIONAL TERRORISM AS AN «ERGA OMNES» OBLIGATION

A.C. Leonov, A.M. Sporshev

The article aims to justify the fact that the obligations of states to counter international terrorism should have the status of «*erga omnes*» obligations under contemporary international law. The article evaluates the notion of «international terrorism», determines the range of issues related to normative regulation of counter-terrorism activities, analyzes the status of «*erga omnes*» obligations in contemporary international law, examines the impact of international organizations and judicial bodies on creating norms that generate state obligations to counter international terrorism. It also defines the content of obligations «*erga omnes*» in the field of countering international terrorism. The paper concludes that it is important to give the status of «*erga omnes*» to the obligations of states related to ensuring anti-terrorist security.

Keywords: international terrorism, obligations «*erga omnes*», Barcelona Traction case, «*erga omnes partes*» obligations, *jus cogens*, Rome Statute, International Criminal Court, UN Security Council, International Court of Justice.

References

1. Plotnikov A.V. K voprosu yuridicheskogo opredeleniya ponyatiya «mezhdunarodnyj terrorizm» // Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2009. № 3. S. 106.
2. Samovich Yu.V. O ponyatii «Mezhdunarodnyj terrorizm» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 361. S. 120–123.
3. Chernyad'eva N.A. Ponyatie «Mezhdunarodnyj terrorizm» v mezhdunarodnyh soglasheniyah OON // Vestnik SGYuA. 2012. № 4 (87). S. 198–202.
4. Adel'hanyan R.A. Priznaki terroristicheskogo prestupleniya po mezhdunarodnomu pravu // Rossijskaya yusticiya. 2002. № 8. S. 47–48.
5. Ivanov Eh.A., Galafast O.V. Mezhdunarodno-pravovye problemy bor'by s terrorizmom // Novye vyzovy i mezhdunarodnoe pravo: Sb. statej / Otv. red. A.G. Lisicyan-Svetlanov. M.: Izd-vo IGP RAN, 2010. S. 103–125.
6. Heilbronner K. Rechtsfragen der internationalen Terrorismusbekämpfung // Schweizerisches Jahrbuch für internationales Recht. Bd. 47. Zürich, 1991. 266 S.
7. Kuznecov A.P., Marshakova N.N. Mezhdunarodnyj terrorizm v usloviyah globalizacii // Yuridicheskij mir. 2010. № 9. S. 8–12.
8. Volevodz A.G. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie mezhdunarodnomu terrorizmu // Ugolovnoe pravo. 2014. № 2. S. 128–134.
9. Ashavskij B.M., Biryukov M.M., Bordunov V.D. i dr. Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik / Otv. red. S.A. Egorov. M.: Statut, 2015. 848 s.
10. Korneev O.V., Leonov A.S. Instrumenty vliyaniya Evropejskogo soyuza v sfere protivodejstviya trgovle lyud'mi na postsovetskom prostranstve // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. № 6 (32). S. 12–16.
11. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain) (Second Phase – Judgment) I.C.J. Reports 1970. P. 32.
12. Lukashuk I.I. Sovremennoe pravo mezhdunarodnyh dogovorov: V 2 t. M.: Volters Kluver, 2004. T. 1: Zaklyuchenie mezhdunarodnyh dogovorov. 672 s.
13. Cf. A.D. McNair, Treaties Producing Effects 'Erga Omnes', Scritti di Diritto Internazionale in Onore di T. Perassi, vol. II. Milano, Giuffrè, 1957. R. 23–36.
14. Sperduti G. Lezioni di dritto internazionale. Milan, 1958. P. 140.
15. Yearbook of the Institute of International Law, Session of Krakow 2005 – Second Part, vol. 71–II (2006), p. 297, resolution I ("Obligations erga omnes in the International Law"), art. 1 (a).
16. Advisory Opinion on Juridical Condition and Rights of the Undocumented Migrants, OC-18/03, Inter-American Court of Human Rights (IACrHR), 17.09.2003. URL: <http://www.refworld.org/cases/IACRTHR,425cd8eb4.html>.
17. Upravlenie Verhovnogo komissara OON po pravam cheloveka, Izlozhenie faktov № 32: Prava cheloveka, terrorizm i bor'ba s terrorizmom, 1 iyulya 2008, No. 32. URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/52554eb90.html>.
18. Human Rights Committee's General Comment No. 31[80] «The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant», 29 March 2004. URL: <http://www.unhcr.ch/tbs/doc.nsf/0/58f5d4646e861359c1256ff600533f5f> (data obrashcheniya: 10.06.2017).
19. Venskaya Konvenciya o prave mezhdunarodnyh dogovorov (Vena, 23 maya 1969 g.) // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1986. № 37. S. 772.
20. La Sección Tercera de la Sala de lo Penal de la Audiencia Nacional. 19 abr 05. Sentencia en el caso Adolfo Scilingo <http://www.derechos.org/nizkor/espana/juicioral/doc/sentencia.html> (data obrashcheniya: 20.02.2018).
21. Tribunal Supremo. Sentencia en el caso Adolfo Scilingo. Sala de lo Penal. Sentencia Nc: 798/2007. Recurso Casacion (P) No: 10049/2006 P. Fallo/Acuerdo: Sentencia Estimatoria Parcial. Fecha Sentencia: 01/10/2007 <http://www.derechos.org/nizkor/espana/juicioral/doc/sentenciats.html> (data obrashcheniya: 22.02.2018).
22. Abashidze A.H. Uchastie gosudarstv v Statute Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda – obyazatel'stvo erga omnes // Mezhdunarodnoe pravo. 2007. № 1. S. 139–152.
23. Bassiouni M. International Crimes: jus cogens and obligatio erga omnes // Law and Contemporary Problems. 1996. Vol. 59. № 4. P. 63–74.
24. Cassese A. International Criminal Law. Oxford University Press, 2003. P. 23.
25. Mezhdunarodnyj ugolovnyj sud: problemy, diskussii, poisk reshenij / Pod red. G.I. Bogusha, E.N. Trikoz. M.: Evropejskaya Komissiya, 2008. S. 14–35.
26. Neshataeva T.N. O problemah v dejstvii reshenij organov EAEHS v nacional'nyh pravoporyadkah gosudarstv-chlenov // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2016. № 3 (19). S. 10–17.
27. Kopteva E.A. Klassifikaciya mezhdunarodnyh obyazatel'stv // Evrazijskaya advokatura. 2013. № 1 (2). S. 114–117.
28. S/RES/748 (1992) – Rezolyuciya Soveta Bezopasnosti OON № 748 ot 31 marta 1992 goda.
29. East Timor (Portugal v Australia), Judgment // I.C.J. Reports 1995. P. 90.
30. S/RES/1373 (2001) – Rezolyuciya Soveta Bezopasnosti OON № 1373 ot 28 sentyabrya 2001 goda.
31. Peters A. Security Council Resolution 2178 (2014): The “Foreign Terrorist Fighter” as an International Legal Person, Part I. URL: <https://www.ejil.org/security-council-resolution-2178-2014-the-foreign-terrorist-fighter-as-an-international-legal-person-part-i/>.
32. Tsagourias N. Security Council Legislation, Article 2(7) of the UN Charter, and the Principle of Subsidiarity // Leiden. J. of International Law. 2011. V. 24. P. 539–555.
33. Bowett D.W. Judicial and Political Functions of the Security Council and the International Court of Justice // In H. Fox (ed.). The Changing Constitution of the United Nations. 1997. P. 79–80.

34. A/RES/56/83 (2001) – Rezolyuciya General'noj Assamblei OON 56/83 ot 12 dekabrya 2001 goda.

35. Krejven M. Mezhdunarodnyj pakt ob ehkonomicheskikh, social'nyh i kul'turnyh pravah // Vvedenie v voprosy mezhdunarodnoj zashchity prav cheloveka: Uchebnoe posobie / Pod red. R. Hanski, M. Suksi Insti-

tut prav cheloveka. Universitet «Abo Akademi». Turku/Abo. 1997. S. 106–127.

36. Wouters J., Odermatt J. Reflections on the Law-making Powers of the Security Council – Quis Custodiet Consilium Securitatis? (June 1, 2013). URL: <https://ssrn.com/abstract=2286208>.